«Благословение на грех»?

или:

Общая беда человечества по грехопадении Прародителей – впадение в свои грехи – не минует никого из людей, в том числе и святых праведников...

Сарра по затянувшемуся до старости бесплодию разрешает Аврааму взять ее служанку Агарь... и он вошел к ней, и она родила Измаила... И все бы ладно, «подумаешь – случай»..., но от Измаила пошел весь мусульманский народ, который чтит Авраама тоже и считает своим отцом... (Мы от Авраама через Исаака, а мусульмане тоже от него, только через Измаила).

Господь все это Благословляет. Ведь жизнь мусульманского мира так же Богом держится, как и другой мир – наш христианский, несмотря на ужасающие грехи и тех, и других, и третьих.

Или: «благословение на грех»? «К пьяному Лоту-отцу по очереди две дочери ложатся в постель и зачинают, и родят...» (Но это же «кровосмешение», это же грех?.. Но и продолжение рода... и никаких последствий типа «резус фактор», или какой еще медицинский термин тут подходит?)

И таких примеров в Библии предостаточно... Выходит, что Христос пришел на Землю во плоти в самую гущу греха человеческого, не гнушаясь грехопадений человеческих... и дойдя, однако, до Чистой Девы, которую родило тоже человечество, преобразил человека, спас человека из ада, а остальным будущим поколениям оставил возможность спасения, возможность при желании – при доброй воле всякому крестившемуся во Христа быть, пребывать вечно с Ним, в Царстве Его.

Библия – вообще, уникальная книга. Книга книг, хотя и множество «противоречивых» вопросов вызывает. Причин возникновения вопросов множество как серьезных, так и пустячных. Ответы не всегда есть, в силу тоже множества разных причин. Вот в «Радонеже», кстати, встретилось интересное рассуждение по этому поводу отца Димитрия Смирнова. Он часто дает конкретные, подчас неожиданные, с долей доброго юмора, ответы, говорящие о его большом жизненном опыте и завидных знаниях. Ему задают вопрос: «Адам прожил 130 лет, а в скобках – 230. Разница дат... Как это объяснить?» (Нужно помнить, что это даты не прожитой Адамом жизни, а до какого-то события.) Отец Димитрий на этом, мне кажется, намеренно не заостряет внимания. Он отвечает: «А всегда человек что-то понимает, что-то не понимает. Что здесь такого страшного? Просто этот вопрос не принципиальный. В разных древних

---

* Продолжение. Начало в «Вертикали. XXI век» № 45, 47, 48 – 2015, 2016 гг.

источниках разные были указания, как это считалось. Лично меня этот вопрос вообще никогда не интересовал. Потому что иногда люди даже на исповедь приходят и говорят: вот 13-го числа – нет, вру, 14-го. Хорошо, а если 47 числа, что-нибудь от этого меняется? Да ничего. Тогда зачем нам об этом говорить? Так же и здесь. Дело в том, что Библия – это не учебник по хронологии, палеонтологии, и так далее. Библия – о взаимоотношениях Творца Небесного и человека. Вот это важно. То, что Бог ожидает от человека. Если человеку некоему угодно жизнь свою выстроить так, чтобы достичь общения с Богом, который ему Отец – то Господь ему расскажет о ступенях. Расскажет о тех пределах, за которые человек не должен заходить. Первое – это познание Древа Добра и Зла. Вот этот предел человек тут же и нарушил. Почему Бог попускает? Ну как – почему? Потому что человек свободен. И Бог – Он же не запретил вкушать! Он просто предупредил, что этого делать не надо».

Там в студии о. Димитрию помогает вести беседу еще один священник о. Александр, и он, включаясь в разговор, размышляет: «Вот, интересно, человек в очевидное не верит, а в какую-нибудь глупость – легко».

А о. Димитрий, завершая свой ответ, добавляет: «Ну, потому, что он грешен, этим, собственно, и пользуется вся пропаганда. Человеку можно внушить что угодно. Жителю Африки внушить, что он белый». (Правосл. обозрение «Радонеж» №4, 2016 г.)

Не правда ли, емкий и глубокий ответ. А можно было и в цифрах зарыться, и не сообразить сказать главное, что «**Библия – о взаимоотношениях Творца Небесного и человека**», и что человек свободен, и что Бог не приказывает, а предлагает и предупреждает.

Но и призывает: «Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас, ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко есть».

ИЗ ДНЕВНИКА 2002 ГОДА

Как молился покойный иподиакон Анатолий (Воробьев) из Кинешемского собора – отец ныне служащего там протоиерея Алексия. Он тихо входил в храм, он вообще был тихий и смиренный, и восклицал: «Царь Небесный, Царь Небесный...», а дальше было не слышно... Потом такое же восклицание в Алтаре повторялось.

Молитва-то известная, только немного «на свой лад», и этот «свой лад», а главное – воздыхание при словах – помнится мне и поныне.

Когда его упомянутому выше второму сыну (есть ещё старший сын – Александр, тоже священник) исполнилось 2 года от рождения, умерла его жена Вера, и с тех пор лет шестнадцать-восемнадцать он его пестовал... Носил и водил его в Храм постоянно..., но священства его не дождался – «оттуда» домаливал его до служителя Престола Божьего. И, «домаливая» Там, оставил здесь нам таковое вот воспоминание. Простое и ценное.

Простота эта, однако, очень дорого стоит.

12 марта 2012

И ЕЩЕ ИЗ ДНЕВНИКА

В четверг на Масляница, после службы (память преподобной мученицы Евдокии), ездили к сыну. Дорогой матушка мне неоднократно поправляла волосы, вылезающие из-под шапки (я сидел впереди, рядом с водителем, а она на заднем сиденье). Она делала это и в другие разы, но сегодня меня вдруг пронзила мысль, что это может, однажды, перестать быть. То есть некому будет сделать тот или иной «пустяк»: поправить, подсказать, напомнить, поругать... вдруг она умрет... и сделалось на миг колко, чуть не до слез. Или же, если я умру раньше и у нее будет подобное, до слез больное воспоминание о том, что нет, не стало этих неопрятных волос, вылезающих из-под шапки..., но она, в отличие от

меня, черствого, нечуткого, сделала все возможное и зависящее от нее. Она всегда отличалась цельностью натуры и обстоятельностью.

За службой на Литургии, при чтении Евангелия, я уже всплакнул сегодня и вот сейчас чуть. Да и Евангелие-то какое?

«…Иисус, возгласив громким голосом, сказал: Отче! В руки Твои предаю дух Мой <…> И весь народ, сшедшийся на позор сей, видя происшедшее, возвращался, бия себя в грудь. Все же знавшие Его и женщины, следовавшие за Ним из Галилеи, стояли вдали и смотрели на это». *(Лк. XXIII 1-34, 44-56). Четвергу сырному.*

Видимо, состояние от службы еще держалось во мне, или Господь дал ощутить скоротечность происходящего, благодарение за милость Его к нам, ко мне грешному.

У сына в доме все сравнительно благополучно. Правда, болеет Христина, что-то в животе болит…, но там у них пребывая, опять ощутил свою душевную сухость, неумение поговорить с самыми близкими мне людьми, неумение «найти ключ», чтобы вызвать на разговор внуков, сделать умелое и нужное какое-либо внушение… с не чужими находишь, а со своими?..

«ВЗЫЩИТЕ БОГА, И ЖИВА БУДЕТ ДУША ВАША»

(Стих из Вел. прокимна в Прощеное Воскрескнье на Вечерне)

«Наилучшее употребление времени состоит в посвящении его Творцу веков и времени, – утверждает древняя христианская мудрость, – кто не дает Богу своего времени, того Бог лишит своей Божественной вечности…»

(Март 2002 г.)

Сейчас перечитываю эти строки и удивляюсь Милосердию Божию – ведь прошло 14 лет, а Он все щадит и милует нас. Мы не такие «шустрые», как бывало, но служим потихоньку, и если молиться не очень умеем, то Господа, кажется, благодарим.

Матушка, конечно, сильно «сдала», спортивная закалка (в девичестве она занималась легкой атлетикой, а у ткацкого ее станка на Городецкой фабрике всегда был вымпел «лучшей ткачихи») кончилась, она перестала сопротивляться дневному сну, но по кухне необходимый минимум делает. Жалуется, что силы нет и память плохая. Но все это терпимо, и мы говорим: Слава Богу за терпимую боль, потому что вытерпеть сильную боль мы не способны.

И все так же не знаем, кто из нас умрет первым… И, кажется, без паники. Хотя, это может только казаться, что без паники…

(Пасхальные дни 2016г. завтра – 21 мая: апостол и евангелист Иоанн Богослов – память его. Идем на Всенощную)

ДЕТСКИЕ ПЕРЕЖИВАНИЯ

Мама везет мальчика Женю в сельский храм, а точнее, в молитвенный дом. Это им не по пути. У них в поселке свой храм, почти под окнами. Храм настоящий, деревянный, рубленый (под старину, недавно выстроенный), и батюшка в нем молодой, и они посещают его чаще, а в этот молитвенный дом приезжают иногда. Здесь батюшка старый, но знакомый еще по Сергиевскому храму на Бору, куда мама, тогда еще юная девочка, ходила в воскресную школу.

И сюда к старому батюшке они приезжали не раз, и мальчику Жене (ему четыре с половиной года) «храмик» нравится. Здесь все маленькое, низенькое, но уютное и милое. И когда мама его долго не привозит, то Женя проявляет беспокойство и почему-то задает вопрос: «А этот «до-

мик» не разрушат?» А в этот раз они проезжали мимо разрушенного храма («на основании» которого документально существует молитвенный дом) и мальчик спрашивает, почему разрушен храм и кто его разрушил. И сам же отвечает: «Разбойники его разрушили?» «Разбойники», – соглашается мама, воспользовавшись ею же самою найденным определением, которым она пользуется, когда нужно объяснить что-либо сложное, связанное с безбожным советским периодом.

– Да, сыночек, разбойники!

– Ну, как же так? – вновь вопрошает Женя!

Длительная пауза приводит рассудительного мальчика к пониманию, что маме трудно ответить на этот вопрос. Ведь его мама еще такая молодая. У кого же спросить?..

У старенького батюшки почему-то тоже есть такое чувство, что когда он закончит служить, или умрет, то здесь, в «храмике», служб не будет. Может, такие мысли от того, что есть Архиерейское благословение на начало восстановления разрушенного основного храма? И хорошо, конечно, жизнь-то продолжается… Четырехлетний человек ведь должен жить и возрастать в вере христианской – православной?..

***

Сегодняшний священнослужитель, рядовой или знатный иерарх, с мобильным телефоном в руках – обыкновенная, привычная уже картина, и даже какой-нибудь старец, к примеру, недавно умерший Иоанн Крестьянкин, мог держать и пользоваться телефоном последней марки и дорогим по стоимости. А вы можете себе представить какого-нибудь Апостола с такой вещицей в руках? Мне кажется, и сами Апостолы не могли предполагать такую реальность, несмотря на их просветленность и благодатствованность Святым Духом. Такое вот долгое двухтысячелетнее ожидание «взрывных» 15-20-ти последних лет развития техники… И, однако, жизнь продолжается и для церковных, «неученых» людей, тоже, и Тайны Божии не постижимы ни для кого. И до чего дойдет это развитие, тоже не ведомо никому. Другое дело – предчувствия-пророчества святых об Апокалипсических временах.

***

Каждый год 12 апреля нам говорят о начале «космической эры» и вспоминают все, что было связано с этим, в 1961 году, событием. И повторяют известную крылатую фразу: «Человек вышел в космическое пространство!»

Достижения научно-технические действительно большие, но мы, люди земные, только и делаем, что постоянно наблюдаем и «переживаем» такие события. Всякого умершего человека душа входит в «это самое пространство», оставляя нам, оставшимся, глубоко непроницаемую всегдашнюю тайну. Мы, видимо, узнаем ее тоже, когда «выйдем сами в то же пространство». Почему мы так думаем? У нас есть основания так думать? Наверное, есть! Мы безусловно знаем, что тело человека будет предано земле. Мы будем почитать место захоронения близких нам людей: родственников, друзей. Мы знаем, что в этом месте только прах, а душа – Там… Мы, оставшиеся, почитаем эту последнюю «точку» – «стартовую площадку», с которой «взлетаем», потому что в «Символе Веры» читаем: «Чаю Воскресения мертвых, и жизни будущего века. Аминь». «Чаю» – значит, ожидаю. А что же Там? Много ли известно про То?

Не очень много. Но это как искать. В Житиях Святых немало описаний – видений предсмертных состояний, да, но не всякий доверит им. А авторитетным? «В доме Отца Моего обителей много. А если бы не так, Я сказал бы вам: Я иду приготовить место вам. И когда пойду и приготовлю вам место, приду опять и возьму вас к Себе, чтобы и вы были, где Я. А куда Я иду, вы знаете, и путь знаете». *(Иоанн 14, 2-4).*

Далее у евангелиста Иоанна Богослова идет рассуждение утвердительное, что «Христос есть путь, и истина, и жизнь». А мы, по простоте и необразованности богословской, можем «полетать» вместе с учеными до какой-нибудь неведомой звезды, предполагая: «нет ли там жизни, подобной нашей, или еще какой-либо?» Но такое предположение возможно только здесь. Там-то мы точно будем знать, что то будет Царство Небесное, которое всякая душа – всякая личность будет познавать.

Или еще есть некоторое объяснение того, что такое атмосфера и чем она наполнена (кроме газов, кстати, тоже невидимых, как и многого чего другого), под которой все живое живет и сохраняется. Апостол говорит о «духах злобы поднебесных», наполняющих ее, против которых Они, Апостолы, и мы, то есть христиане, «боремся». Вот полная цитата: «...братия мои, укрепляйтесь Господом и могуществом силы Его. Облекитесь во всеоружие Божие, чтобы вам можно было стать против козней диавольских, потому что наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных. Для сего примите всеоружие Божие, дабы вы могли противостоять в день злый и, все преодолев, устоять». *(Еф. 6, 12, 13).*

Скафандр, без которого человек-космонавт не может выйти в космическое пространство, и который при какой-либо неисправности или рассоединении с системой космического корабля не спасет, а может оказаться «космическим гробом» для испытателя, – в апостольском же «раскладе» совершенно ненужная вещь. Для души человека, вышедшей в «космическое пространство», «скафандр» нужен другой, сшитый при жизни на Земле: Вера, дела милосердия, любовь к Богу и жертвенность по отношению к людям. Такой «скафандр» надежен и поспособствует пройти воздушное пространство, минуя «запинателей» и «духов злобы поднебесных», и поселиться в «обителях, которых у Господа много».

Или вот при отпевании покойника поем про то же: «...Спасе наш, с праведными раба Твоего *всели во дворы Твоя...*». Что это за «дворы»? И где они? И далеко ли до них? Или: «Твое было повеление: от невидимого же и видимого жива мя составити естества, от земли тело мое создал еси, дал же ми еси душу Божественным Твоим и Животворящим вдохновением. Тем же, Христе, раба Твоего *во стране живущих и в селениих праведных* упокой».

Страна живущих – селение праведных *– вот оно, «космическое пространство», в которое мы желаем переселиться.*

В Священном Писании можно еще встретить про «космическое пространство» и даже про «черную дыру». Вот, в притче о богаче и Лазаре вспомним. Жил богатый человек. Ежедневно наряжался в изысканную одежду и пиршествовал. И жил около него нищий по имени Лазарь, да был к тому же еще и больной. И лежал у ворот богача и кормился «крошками, падающими со стола богача, и псы, приходя, лизали струпья его. Умер нищий и отнесен был Ангелами на *лоно Авраамово* («космическое пространство»). Умер и богач, и похоронили его. И в аде, будучи в муках, он поднял глаза свои, увидел вдали Авраама и Лазаря на лоне его и, возопив, сказал: отче Аврааме! Умилосердись надо мною и пошли Лазаря, чтобы омочил конец перста своего в воде и прохладил язык мой, ибо я мучаюсь в пламени сем. Но Авраам сказал: чадо! Вспомни, что ты получил уже доброе твое в жизни твоей, а Лазарь – злое; ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь; и сверх всего того *между нами и вами утверждена великая пропасть, так что хотящие перейти отсюда к вам не могут, также и оттуда к нам не переходят»... (Лк. 16; 21-26).*

Вот тебе и «черная дыра!» И тебе ее никто не подстраивал (хотя, впрочем, подстраивал враг рода человеческого, искуситель. Но ты мог бороться и не соглашаться с ним. А ты не боролся и добровольно шел «по его пути»). Ты выбрал сам. Мы выбираем сами.

Вчера (24 мая 2016 г.), кстати, в «Вестях» показали космонавта Гречко: улыбающийся пожилой человек говорил о советской науке добрые слова, жизнелюбие выражал и убежденность, и веру свою, что «инопланетяне» непременно есть... Я ему мысленно возражал: конечно же, есть, непременно, по ту сторону «черной дыры» «ад кромешный» переполнен ими – «инопланетянами».

А тот Свет и Гармонию, и «физическую отлаженность», переполнявшие Космическое пространство – Космос, он не увидел (так же как и Хрущев, будто бы со слов Юрия Гагарина, «Бога не видал»); вот «инопланетяне» – это увлекательно; ну, точно по определению одного батюшки из православного обозрения «Радонеж»: «...человек в очевидное не верит, а в какую-нибудь глупость – легко». Так ведь даже если они, «инопланетяне», и есть, то ведь в первую очередь, да еще ученому человеку, нужно выразить удивление Творцу о создании вообще, а потом уже «о деталях», имеющих место в этом Творении. Ведь очень не серьезен такой подход, и на весь мир, и с улыбкой, и «утверждающими» жестами...

Его (Гречки) поколению не удивительно было быть такими атеистами (мы то время застали и сегодня, на старости лет, можем оценить и «осудить»). Воспользуюсь цитатой известного батюшки-писателя, он, вспоминая свое детство, грамотно и точно определил: «Мои школьные годы в самом начале совпали с так называемыми хрущевскими гонениями на церковь: религия – опиум для народа, все на борьбу. В антирелигиозных утренниках я принимал активное участие... Верил ли я во все это? Наверное, да. И потом, как было не верить Гагарину? Я хорошо помню весь этот ажиотаж вокруг первых полетов в космос. Сначала лайки – Белка и Стрелка. Затем – Гагарин. Махнул рукой: «Поехали!» И сквозь клубы ракетного дыма... иные миры, галактики, туманность Андромеды, Млечный путь, инопланетяне, гравитационная энергия, Марс и марсиане, новая космическая эра. И – Бог. Эти понятия казались несовместимыми в моем школьном сознании». (Вл. Чугунов: «Русские мальчики». Нижний Новгород «Родное пепелище» 2016 г. стр. 40).

Пройдет не так много времени, и на похоронах любимой бабушки он станет переживать утрату и скажет: «...старушки (подруги покойницы), глядя на «красивую» покойницу, утешались ее загробной участью. А я вспоминал, как буквально несколько дней назад покойница, пребывая в каком-то промежуточном, если так можно выразиться, состоянии, глядя перед собой сквозь нас, вся трепетала, ограждаясь сухими руками, вскрикивая от страха, точно и впрямь кого-то видела...

Не скажу, что я был тогда «круглым атеистом», нечто вечное и бесконечное... предполагалось мною там, над затерявшейся среди пламенной бездны планетой, о чем писал тогда я, но Рай и Ад, что вот так все прозаически и реально близко, то есть те силы, что за ними или в преддверии их стоят – явилось для меня совершенной неожиданностью, ощутимо поколебав красивую теорию о «космическом разуме».

А потом автор «пастушествовал» и искал свой жизненный путь, много читал и «открыл» книгу Библию и у древнего пророка обрел несомненное утверждение: «Веровать». И это утверждение упало зерном в его сердце и начало прорастать.

«Горе сердцу расслабленному! Ибо оно не верует, и за то не будет защищено».

Вот оно что! Оказывается, причина неверия не от науки, не окружающая среда, не безбожный и развращенный мир, а расслабленное сердце! «Много высоких и славных, но тайны открываются смиренным... <коим> хотелось узнать эти Божии тайны». (Там же, стр. 7)

Вот такое общее чувствование; и, оказывается, отец Владимир Чугунов – тоже бывший прихожанин Карповской церкви (наш приход от детства), о чем я узнал из подаренной им вышеуказанной книги, цитатой из которой я с благодарностью и извинением воспользовался.

Ну, а что же тот физический – материальный, страшный и прекрасный Космос, виденный и воспетый в картинах, кажется, космонавтом Леоновым? Он неужели не посевает религиозное чувство? О котором, наверное, и следует беспрестанно говорить, коль скоро в «космическое пространство» всякий из нас выйдет, не сегодня так завтра, а может, и сегодняшней ночью? Таковы ведь судьбы и тайны Божии…

Снизу-то его бесконечное множество раз воспели: одна Державинская ода чего стоит, или Лермонтовская «пустыня внемлет Богу», да и «сегодняшние» поэты продолжают воспевать красоту мира, Творцом созданную. Всякая верующая душа «хвалит и благодарит», а неверующая?.. Неужели и в Космосе ее не проймет? Проймет!..

И душа признается Богу в любви?.. А Бог, ведь мы знаем, есть Любовь!

***

А почему, скажите, я могу меньше верить свидетельствам, которые намерен извлечь и предоставить внимательному и рассудительному читателю, чем «вере космонавта Гречко» (уважаемому и положительному герою и, безусловно, достойному гражданину нашего Отечества) о инопланетянах, сведения о которых ничем не подтверждены?

Предчувствия, предположения, ведь, могут быть не только научными, но и религиозными. А еще интуитивными. (Как оно и кем формировалось в человеке это качество интуиции?) Вот свидетельства – «факты», которым можно не доверять, а можно верить, удивляться и устрашаться или умиляться и радоваться и ежеминутно благодарно-хвалебно воспевать Творца всяческих.

Находим и читаем у иеромонаха Серафима Роуза: «Православные жития святых содержат многочисленные и подчас очень живые рассказы о том, как душа после смерти проходит через мытарства (то есть то «пространство», где царствуют «духи злобы поднебесных» – **Е.Ю.**). Самое распространенное и часто приводимое описание из Жития св. Василия Нового (память марта 26), где блаженная Феодора рассказывает, как она проходила через мытарства, но мы приведем менее известное повествование о воине Таксиоте («Жития святых», 28 марта). Рассказывается, что он вернулся к жизни, проведя шесть часов в могиле: «Когда я умирал – увидел некоторых эфиопов, стоящих перед мною; вид их был очень страшен, и душа моя смутилась. Потом я увидел двух юношей, очень красивых: душа моя устремилась к ним тотчас, как бы взлетая от земли. Мы стали подниматься к небу, встречая на пути мытарства, удерживающие душу всякого человека, и каждое истязующее ее об особом грехе: одно обо лжи, другое о зависти, третье о гордости; так каждый грех в воздухе имеет своих испытателей. И вот я увидел в ковчеге, держимом ангелами, все мои добрые дела, которые ангелы сравнили с моими злыми делами. Так мы миновали эти мытарства. Когда же мы, приближаясь к вратам небесным, пришли на мытарство блуда, страхи держали меня там и начали показывать все мои блудные плотские дела, совершенные мною с детства моего до смерти, и ангелы, ведущие меня, сказали мне: «Все телесные грехи, которые содеял ты, находясь в городе, простил тебе Бог, так как ты покаялся в них». Но противные духи сказали мне: «Но когда ты ушел из города, ты на поле соблудил с женой земледельца твоего». Услыхав это, ангелы не нашли доброго дела, которое можно было бы противопоставить греху тому и, оставив меня, ушли. Тогда злые духи, взяв меня, начали бить и свели затем вниз; земля расступилась, и я будучи веден узкими входами через темные и смрадные скважины, сошел до самой глубины темниц адовых». (Иеромонах Серафим (Роуз) «Душа после смерти». Изд. «Царское село». С. Петерб. 1995 г. стр. 91, 92).

Можно еще ознакомиться с реакцией типичного «образованного» человека нашего времени на встречу с мытарствами во время его 36-часовой «клинической смерти». «Взяв меня под руки, Ангелы вынесли меня

прямо через стену из палаты на улицу... по мере того, как поднимались мы, взору моему открывалось все большее и большее пространство, и, наконец, оно приняло такие ужасающие размеры, что меня охватил страх от осознания моего ничтожества перед этой бесконечной пустыней... Идея времени погасла в моем уме, и я не знаю, сколько мы еще поднимались вверх, как вдруг послышался сначала какой-то неясный шум, а затем, выплыв откуда-то, к нам с криком и гоготом стала быстро приближаться толпа каких-то безобразных существ.

«Бесы» – с необычной быстротой сообразил я и оцепенел от какого-то особенного неведомого мне дотоле ужаса. Бесы! О, сколько иронии, сколько самого искреннего смеха вызвало бы во мне всего несколько дней назад чье-нибудь сообщение не только о том, что он видел собственными глазами бесов, но что он допускает существование их, как тварей известного рода! Как и подобало «образованному» человеку конца XIX века, я под названием этим разумел дурные склонности, страсти в человеке, почему и само это слово имело у меня значение не имени, а термина, определявшего известное понятие. И вдруг это «известное определенное понятие» предстало мне живым олицетворением!..» (Там же у Роуза, стр. 94-95).

Не правда ли, понятие «инопланетяне» благозвучнее и ни к чему не обязывает. Кроме как фантазия. У нас все мило и хорошо, фантазируем дальше, пока не обнаружатся духовные реальности в «космическом пространстве». Верующие люди по поводу этих «духовных реальностей» молятся, памятуя их неотвратимость. Молятся и делают добрые дела, запасаясь, так сказать, «разменной монетой», необходимой на «космических таможнях». Но самое удивительное то, что все наши выше приведенные повествования, которые были «давненько» и которым можно не доверять, имеют «материалистическое» подтверждение (и материальное, которое можно пощупать при большом желании и уж точно увидеть глазами). Я имею в виду мощи преп. Александра Свирского, фотографию руки которого мне подарили наши Борские девушки Фотина и Елена (Нелли) – преподаватели Лаврской Иконописной школы в Сергиевом Посаде. А чтобы увидеть их вживую – надо поехать в монастырь на Свири, в котором мощи ныне пребывают, по открытии их в Санкт-Петербургском (а тогда Ленинградском) музее атеизма, где они (мощи) были арестованы и «сохранились» до известного времени, так же как и мощи преп. Серафима Саровского, и в самом начале девяностых возвращенные по местам, из коих разбойническим путем были изъяты.

***

В келье-мастерской художника-священника на мольберте стоит пейзажик: домики, поляна, дерево, вдали бугры – «городецкий вал», все в красном – закатном колорите...

Пришел неожиданный посетитель, близкий человек, родной... Смотрит:

– Что-то неожиданное тут у тебя. Давно написал?

– Начато давно, а дописываю сейчас, вроде как от этюда «Городецкий вал» оттолкнулся и логически цветом «строю», достраиваю. Мне нравится сам процесс. Начато в молодости...

– Частный сектор, – завершил свое впечатление посетитель!

Когда-то он жил в своем (родительском) доме, но дом давно снесли, и они с семьей живут в квартире в Нижнем. Милый бесхитростный человек ушел, а я, проводив его, полчаса смеялся над «частным сектором», так и не поняв, то ли это у него ностальгия по своему дому, то ли это «заскорузлость мозгов» квартирантов-коммунальщиков.

Я знаю, что он любитель всякого творчества, а вот надо же так «громко»! Вообще, о творчестве – рисования, писания с натуры, особенно когда это в процессе, когда картины еще нет, обыватель – всякий «добрый

малый» – склонен всячески обзываться: «мазня» (и «мазила»), «художник – от слова «худо», или «лень на огороде или по хозяйству трудиться – пошел этюды писать или в ИЗО кружок»...

***

Или, вот, «картинка» с натуры.

Это что за мазня?.. Это, батенька, не мазня, а детские рисунки к празднику Пасхи, которыми нас радуют дети «Воскресного класса». С ними занимается Елена – художница. Она любит детей, и они любят ее, и к каждому Празднику они делают нам небольшую выставку в прихожей молитвенного дома, на так называемой паперти. Они, рисунки, может быть, действительно, выполнены не чистенько, но главная заслуга Елены – она учит их мыслить и видеть Евангельские события их детскими глазами. И они, дети, их так ловко, по-своему непосредственно изображают.

А словечко «мазня» или ему подобное всякому из нас приходилось или приходится не раз слышать, когда человек, облеченный званием (еще с армейских времен помнится), но не затрудняющий себя вникать в предмет, который ему мало знаком, может, однако, походу, вешать «ярлыки», а окружающие простолюдины, взирая на «звание», слушают и принимают как за окончательную оценку. Люди, участвующие в «создании мазни» или им сочувствующие, сникают, а может быть, начинают сомневаться и тоже считать занятия «никчемными» вместо того, чтобы радоваться, что дети не только заняты поделками своими, а еще и радуют родителей и прихожан и научаются мыслить образно и «богословски»... и, главное, потом, повзрослев, они вспоминать будут свое боголюбие и «богословие», и простоту познания, и церковность.

***

«Помогите, батюшка, моему сыну. У него «порча»... «сделана при первом браке»... «он молится, по 200 поклонов делает», «по православному сайту в интернете познакомился с молодой женщиной... и сказал ей, что он «в разводе» (в настоящее время у него второй брак, и жена хорошая, а он помышляет о третьем; и вычитал в каких-то книгах, что Православная церковь «разрешает» третий брак)!.. Мы ездили в Лавру, там была отчитка...»

Позвольте, «матушка», вас прервать, потому что вы с сыном перепутали всякие понятия. Если ваш сын врет, то причем тут «порча». Если вы видите, что он врет и потакаете ему, то он просто избалованное «дитя» («он без ума от третьей блондинки») и никакая порча тут ни при чем. Просто так легче свалить все на кого-то («на порчу»), а самому себя ломать, держать «в ежовых рукавицах» не надо и при этом еще прикрываться поклонами.

Такие вот эпизоды на паперти Храма.

***

Из записной книжки.

Живет человек и не приходит к церкви. И может быть, в какой-то мере виноват в этом я? Ведь я не пришел «лишний раз» и не напомнил ему о Христе? Вспоминается один разговор с влиятельным человеком, перед которым мне пришлось быть в роли просителя для Храма, и когда он нам отказал в помощи, и мы вежливо раскланивались на пороге его кабинета (и в душе у меня нетягостно было, даже где-то казалось хорошо, что я от него не завишу), я ему сказал: «Вот видите, я вам не навязываю ничего церковного, не «читаю морали», не посягаю на вашу свободу и не досадую, хотя храму нужна очень ваша помощь...». А он мне вдруг отвечает:

– Мне бы очень хотелось услышать от вас крепкое, убедительное слово, – он не сказал «о Христе или о Церкви», но я понял именно так и по-

том долго сокрушался о своей нетвердости и убежденности. Прошло полтора десятка лет, а меня не покидает мысль о том, что я не следую или не всегда следую Евангельской заповеди Христа: «идите и научите…»

В отношении его и еще одного знаемого, который уже умер, я точно не выполнил данную заповедь и стыжусь…

БЕСЕДА ПЕРЕД ИСПОВЕДЬЮ

Один священник из Владимирской епархии делится своими мыслями и говорит, в общем-то, известные вещи, но как говорит и что видит из «окна своей кельи» у исповедального аналоя в храме. Он говорит о том, что мы должны жалеть близких своих. И людей, и животных.

«Человеку, маленький он или большой, очень нужно, чтобы его пожалели. Хотя бы иногда. В современном российском фильме… умирающий хирург, неудачник, растерявший всех, кто его любил, никому ненужный, отправляется коротать последние месяцы своей жизни в хоспис к бывшему однокласснику. Он один, к нему никто не приходит. И тогда он приглашает проститутку. Та заходит в его отдельную палату и по-деловому без слов начинает раздеваться. Бывший врач останавливает ее:

– Не надо!

– Чего же ты хочешь?!

– Пожалей меня…

– Пожалеть? Это как?

– Как мама, в детстве.

Она садится к нему на кровать, а он, свернувшись калачиком, ложится рядом и кладет голову ей на колени. Девушка по вызову, оказывающая свои услуги за деньги, презираемая людьми благополучными, понимает одиночество умирающего человека, гладит его по голове и поет ему песню из детства. Потрясающая сцена». (Прот. А. Дьяченко, из статьи «Обними меня», ж. «Фома», май 2016 г.)

«Потрясающая сцена»! Всякое «богословие» летит вверх тормашками?..

Потрясающая сцена! Следующий рассказ вы читать не можете, потому что у вас затуманились очки и вы подошли к окну, рассматривая – не видя привычный и очень милый пейзаж, памятуя о том, что совсем рядом, может быть, за стенкой, лежит больной близкий вам человек и вы не обнимаете и не очень жалеете его…

И, вдруг, вас «пронимает»: муж, с которым вы прожили 20 с лишним лет и у вас трое детей, продолжает искать ласки от вас, а вы шарахаетесь от него, словно от чужого, забыв напрочь, что вы женщина и «одна плоть» с ним.

«Потрясающая сцена»! А у вас не было одиночества, вы создали его себе сами (одиночество, оказавшееся эгоистическим, а не ради молитвы), не уступая «мелочей» бытовых и пребывая в гордости, забывая заповеди Евангельские и обязанности супружеские. Не умея и не желая жалеть.

Или вы, в какой уже раз, ударили корову свою «чем попадя» (в этот раз попала под руку лопата), потому что она «с норовом», а мне норовистые не нравятся, мне нужно, чтобы мой «норов» превосходил, и хотя я однажды видела слезу из огромного ее глаза вытекающую, и это на какое-то время меня проняло, все равно злость во мне живет и в любой момент может вновь выплеснуться. Я ничего не могу с собой поделать. Молюсь, как могу, каюсь и вновь повторяю время от времени.

Или… Подобных примеров несть числа, одни грубее, другие лукавее, завуалированные, но суть одна – «падшая природа» натуры человеческой живуча и неистребима…, пока не коснется сердца Господь… Что может случиться на смертном одре…

И дай, Господи, чтобы хоть так случилось! Коснулось, и сознание еще не утрачено.

***

Воскресенье 31 янв. 2016 г.

Есть такие евангельские слова: «…если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное» (*Мф. 5, ст. 20*)

Какие строгие слова. Если задумаешься, то можно немало опечалиться. Видите, выходит, что даже для аккуратного христианина может оказаться недостаточным выполнение заповедей, молитвословий, каких-либо правил, то есть если по «букве закона», как у «книжников и фарисеев»…

Следует здесь потрудиться разобраться, чтобы прояснить, но для этого нужны крепкие знания Священного Писания и толковников и еще память. Ни того, ни другого у меня нет, но, как говорят, «навскидку» хочется сказать известную, но, кажется, подходящую фразу, сказанную Самим Богом еще в Ветхом Завете: «Сыне, даждь Ми твое сердце». Не правда ли, что с «отданным Богу сердцем» все остальное и по «букве закона» выполняемое будет проще, и, наверное, «праведность книжников и фарисеев будет превзойдена», хотя это не человеку судить, это Господь рассудит.

Пару дней назад попалась мне статья известного писателя и публициста: в рубрике «О Женщине» под названием «Вечный женский вопрос». Самое неожиданное в статье оказалось, что автор возводит женщину на самый высокий пьедестал – сравнивает ее с Богородицею… и показывает, куда может низвергнуться женщина, если она отвергнет Бога. Разумеется, это уже касается общества в целом, если оно (общество) пестует в ней на протяжении многих десятилетий разрушительные идеи, хотя внешне это может выглядеть как «справедливость», как «утверждение правды».

Автор в начале статьи приводит французскую поговорку, которая по-русски означает: «Ищите женщину», только ищите ее не «по-французски», а на другом уровне поисков, претензий и желаний… Ищите женщину там, где она осталась, и в том, что составляет ее природное предназначение».

Далее говорится о книге столетней давности, забытой как книги, так и ее автора – писательницы Н.А. Лухмановой. Забытых напрочь, если бы не авторитет В.В. Розанова, написавшего о книге замечательную статью и выразившего пожелание переиздать, в силу ее, книги, злободневности, искренности, «со знанием проблемы и предмета разговора, с указанием на главные потери и на истоки этих потерь в женщине…»

Вот лишь один отрывок (не забудем, что писано это женщиной):

«Душа, мысль и спокойствие исчезли с лица современной женщины, а с ними исчезла и духовная прелесть, составляющая настоящую красоту женщин. Тревога, жадность, неуверенность в себе, погоня за модой и наслаждениями исказили, стерли красоту женщин. Прибавьте к этому чуть не поголовное малокровие, нервозность, доходящую до истеричности, фантазию, граничащую с психопатиею, и новый бюрократический труд, к которому так стремится современная женщина… и, глядя на портреты прабабушек, говоришь: «какие красивые лица». Любуясь витриной модного фотографа наших дней, восклицаешь: «какие хорошие мордочки».

«Быть может, самая большая беда женщины (и вина, и беда) – она не помнит себя, не подозревает, чем ей предстояло быть, если бы не произошли в ее психологии необратимые процессы. Бессознательно она нащупывает в себе еще не отмершее совсем… что-то вроде носимого в себе… прообраза богородичного склада.

Вынашивая плод, любя мужчину, воспитывая детей, то есть материнствуя, женствуя, учительствуя, она словно бы делала все это не от себя только, но в согласии с проведенным через нее заветом. Эти отзвуки и отсветы богородичности должны все же являться женщине время от

времени неожиданной и страстной тоской по самой себе; они должны являться даже самым потерянным и отпетым, и им, быть может, чаще и болезненней».

«Женщина (девушка) стерлась, продолжается мысль В. Розанова. От нее осталось платье, под которым менее интересный, чем платье, человек… и слово «мордочка» – это предмет не насмешки, но скорее рыдания; и оплакиваемое здесь – не женщина только, но вся наша цивилизация…» (Валентин Распутин «У нас остается Россия» М. Институт рус. цивилизации, 2015 г.)

А далее можно вспоминать и ругать (или сочувствовать) таким женщинам, которые утратили не только «богородичные штрихи», но и просто человеческие. Революционерки, «оформившие» в сознании многих последующих поколений идеи эмансипации. Вера Засулич, стрелявшая в петербургского градоначальника, Софья Перовская, руководившая убийством царя, («Геся Гельфман, участница этого покушения, в момент убийства была беременна»). Невозможно отстраниться от логически навязчивой мысли: кого родит такая мама. И еще можно, повспоминав, найти немало имен с подобными «добродетелями», дела которых оставили заметный след в нашей истории – плоды которых оказались не созидательны

Женщина же, о которой печалится Валентин Григорьевич Распутин, «семейная», изначально роль ее – созидать. «В крестьянской стране роль женщины, естественно, была не гражданская, не государственная, а семейная, и по складу характера русской женщины – жертвенная».

И если сегодня в нашем обществе начинает проявляться с этим качеством, с этой добродетелью ЖЕНЩИНА, то теплится надежда, что сквозь сумрак мира сего виден просвет, с дороги к которому надо бы не сворачивать.

***

Это для «сопротивных» христианок, которые от мужей всегда чего-то требуют…

Недавно меня приятно поразило высказывание одной женщины по поводу старинных обычаев русского уклада, в частности, рассказ о девушке-невесте, снаряжаемой подругами в замужество. Это слышала она по радио «Образ» и сильно удивлялась глубокому осмыслению обряда.

Больше всего рассказчице открылось, как невеста начинает быть «подвластной» жениху (завтрашнему мужу), когда с нее снимается белая широкая лента, которую носит девушка, будучи свободной (она как бы поддерживает волосы и обозначает ее девичество). И вот ее снимают… девушка оплакивает свою прежнюю независимую жизнь и дает согласие с этого момента на подвластность жениху – мужу… Ее воля перестает быть. Начинается семья, где глава – муж, а мужу глава – Христос.

***

Есть такие евангельские слова: «На суд пришел Я в мир сей, чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы. Услышав это некоторые из фарисеев, бывших с Ним, сказали Ему: неужели и мы слепы? Иисус сказал им: если бы вы были слепы, то не имели бы на себе греха; но как вы говорите, что видите, то грех остается на вас».

(Так заканчивается глава 9 от Иоанна)

Выходит, что слепорожденный своей от рождения и до зрелого возраста скорбью и ущербностью (сам того не подозревая) достиг святости или во всяком случае рассуждения – «богомыслия» более, чем ученые фарисеи, верящие по «букве закона», а не по сердцу, не по любви. Ну, а к нам эта притча относится? Мы зрячи, или мы слепы?..

Вот, читая в «Радонеже» мысли-рассуждения проф. Алексия Ильича Осипова, можно очень даже усомниться в своей зрячести.

Статья называется «Корабль спасения». Мы знаем: это Церковь Христова – Единая Соборная Апостольская… Мы знаем, что Ей принадлежим, милостию Божией.., но, говорит богослов Алексий Осипов, «нужно отметить, что Она – Церковь, имеет внешнюю сторону и внутреннюю. Так же, как и каждый человек: одно дело – его тело, даже интеллект, психика, и другое дело – состояние его души».

Состояние души у «героев» притчи, как мы видим, совершенно разное. Один благодарит (еще не знает точно, Кого надо благодарить) и сильно удивляется: «слыханное ли дело слепорожденного сделать зрячим», а другие говорят: «нарушил субботу», т. е. живут по букве закона, не размышляя, и не видя перед собой человека и его радость, а если и «видят», то только как «момент преткновения об эту же «букву закона» – нам главное разобраться – почему нарушена суббота, а ты сам нам неинтересен.

Но это было тогда, когда был Закон Моисеев. А у нас закон Христов. У нас Христова Церковь с Ее Таинствами, Крестом и Евангелием, Которое не перестает нас учить и назидать.

***

За что я люблю Осипова?

Осиповых много. Конечно же, Осипова – богослова, профессора МДА Алексия Ильича. За то или потому что он утверждает Новозаветные – Христовы установки, а не Ветхозаветные – фарисейские, которые как ни странно, еще не кончились и живут в наших храмах, и мы, батюшки, неоднократно читая евангельские «преткновения» о субботе, вновь и вновь мыслим и действуем по-фарисейски, нимало не смущаясь и оставаясь в «правоте» предписаний (не Христовых, а чьих-то поздних учителей, м. б. и достойных), но все же не Христовых – видящих сердце человека. Человеку не под силу обладать таким в**и**дением, за очень редким исключением святых людей, но священник может и должен быть внимательнее… смотреть и видеть лицо – фигуру человека, как он смотрит, как стоит, как подходит. Каково его душевное состояние? (Нездоров, немощен, стар).

Вот пример наглядный. Прихожанка одного из Борских храмов вдруг видит однажды в храме человека – бывшего ее учителя, которому за девяносто лет перевалило, и с радостью к нему подходит, называет по имени (напоминает, что она училась у него) и говорит:

– Вы пришли в Храм?

– Да, я, бывает, захожу.

– Вы исповедовались? Причащались?

– Нет, нет, а надо бы.

А сам несмелый, как бы «скованный». (Ясно, что враг не пускает. «Советский налет» не кончается, нужна помощь чья-нибудь, а дерзновения к батюшке подойти нет). Она это чувствует. А на солее батюшка с крестом вышел, а народу-то мало, и бежит она к батюшке и объясняет ему:

– Вот человек, известный в городе, ветеран (называет по имени, отчеству и фамилии и кивает); вон, он там вдали стоит…

Батюшка видит и говорит:

– Скажи ему, чтобы три дня постился, все прочитал и пусть приходит…

Мне, – говорит прихожанка, – сильно поплохело. Я думала, он его позовет или к нему подойдет… Ведь пришел же человек в Церковь!..

А потом прошел год или два, а может больше (ему сейчас 95 лет).

Я болела сама и долго не ходила в храм, а тут как-то снова его увидела и снова кинулась к нему с тем же вопросом. Выяснилось, что он тоже болел и долго… И так и не осуществил до сих пор своего намерения исповедаться и причаститься… А шагнул бы батюшка навстречу старику – и на другой день причастил бы, было бы достойно, по-Евангельски.

А вот другой пример. Нормальный, не фарисейский, а «по сердцу»…

Человек молодой, бывший «зависимый», а может и сейчас еще не освободившийся… (я с ним знаком, встречался три раза). Звонит мне его мама, заботящаяся о нем, как о школьнике, (а у него есть жена и уже двое детей), и панически сообщает:

– Батюшка, мой сын пришел в Церковь (тоже в одну из Борских), всю службу просидел на лавке в конце храма, а когда батюшка вышел с Чашей и стал причащать, в конце, самый последний, подошел, и он… и батюшка его причастил… Он ничего не читал, он не исповедался… Что же? Как же? Мне что-то надо, может быть, сделать?..

Говорю, что делать тебе ничего не надо, кроме как благодарить Бога… Батюшка, наверное, увидел в лице его, сына твоего, в глазах его «пропасть» – «бездну», отчаяние и подал ему «спасительную руку» – Тело Христово! И человек, сын твой, остался жив… Мы не можем утверждать окончательно.., но батюшка поступил верно,.. по-Евангельски, не по «букве закона».

Понятно, что это случай исключительный и понятно, что это не норма, но также понятно, что «нет правил без исключений». И Давид ел хлебы предложения, которые только для священников, и разбойник спасен был не по правилам.

***

На днях мне позвонил Николай Павлович Мидов и поздравил с появлением книги «Лампада моя тлеет», хотя подарена она ему в октябре того года. Он, видимо, почитал ее повнимательнее и отметил, что она добротнее предыдущих, и назвал меня «православным писателем». Я отшутился и стал ему рассказывать, как оплошал на вручении мне Диплома в номинации «Публицистика» за эту самую книгу в Нижегородской областной организации Союза писателей России. Получилось так, что я совершенно не подготовлен был, к такому знаку, и не представлял себе хода событий на собрании. И когда Валерий Викторович Сдобняков (главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век»), памятуя о вечерней службе, на которую мне непременно следовало успеть, несколько пресек не совсем по его плану проходящие выступления знатных членов писательского союза, оговорившись о причине, стал зачитывать короткий текст высокой для меня награды, встав, чтобы благодарить, я был как школьник, не выучивший урок, вызванный к доске. Мне пришлось с этих слов и начать:

– Я должен что-то говорить?..

– Наверное! – сказал Валерий Викторович.

«Склеенные» на ходу слова, в общем-то, правильные, но слишком уж вялы и общи, хотя искренни:

– Молитвами родителей, и вот теперь стараниями Валерия Викторовича Сдобнякова, мои посильные труды по подготовке к проповедям, которые я старался записывать, вылились в книгу, и если она оказалась интересна, и не только церковным, то я естественно благодарен всем и рад, что какой-то результат обозначился, чего не произошло у меня на художественном поприще.

Но что же, наверное, я должен был сказать более пространно и более благодарно?

Не помню, кто мне звонил и благодарил за подаренную «Лампаду…» и упомянул о вступительной статье к ней Валерия Викторовича Сдобнякова, что он «о Вас так хорошо знает и отзывается». Перечитав статью, подтвердил для себя это высказанное мнение, хотя и по выходе книги, и в первом прочтении я мысленно и вслух благодарил Валерия, но в этот раз мне особенно запала мысль о том что: «книги писались перед очами отца». Я об этом не думал, но, наверное, так оно и было, хотя зрительно – словесно я бы эту мысль сам выразить не мог. Это взгляд человека (родственной души) со стороны. Вспомнилось мне такое же высказывание «про отца», и такое же дружеское и сердечное, моего старого и верного

друга Владимира Закамского из С-Петербурга. Он постоянно поминал отца моего, как будто он всегда знал его и дружил. (Он не видел его никогда. Только по фотографиям, по рисунку и по воспоминаниям моим). Меня всегда это приятно удивляло, и было необъяснимо. И вот теперь они слились в одном мнении, двое незнакомых людей, но совершенно точно определяющих, что все у нас от родителей, от их любви и молитв.

Но вернусь к Валерию Викторовичу. Он пишет в статье, что «имя священника Евгения… стало для меня почти родным…» Так бывает. У любящих литературу людей, наверное, особенно. Любить людей и хорошую литературу… Эта мысль подтвердилась сразу же, как я открыл маленький сборник стихов Татианы Антиповой, где во вступительной статье Валерий Викторович внимательно и с любовью «открывает» читателю очередного автора; незадолго до того так же представляя поэтов Николая Офитова и Анатолия Абрашкина, находя точные слова, называя одного «русским поэтом – крестьянским сыном», «плоть от плоти своей земли», и восхищаясь ученостью и сопричастностью с великими русскими поэтами другого.

Итак, Валерий Викторович Сдобняков спокойно, ровно и твердо ведет корабль под названием «Вертикаль. XXI век», на который как-то незаметно, как бы ненароком, посадил и меня… Надо же! И мы, выходит, что – плывем? И уверены – в правильном направлении. Ориентиры-то опробированы, и эпиграфы тверды, потому что Апостольские: «…сеющий в дух от духа пожнет…»

Дай-то Господи, чтобы было всегда так – соответственно Апостольским словам и никак более.

P.S. Помощники мои Галина и Ольга предложили пояснить: кто такой Николай Мидов. (Они его не знают и мол другие тоже могут не знать).

Николай Павлович Мидов – нижегородский известный художник-график, и не только график. Он уже заслуженный художник. Мы старые друзья. Главная его «знатность» (я где-то об этом упоминал) – он в советский период он создал гравюры, на которых изображены виды Нижнего Новгорода с храмами, которые были снесены. Ныне некоторые его «пророчества» возникли из-под асфальта и бетона той самой «светлой действительности».

Николай Мидов и сейчас трудится. Он издал альбом гравюр с видами Нижнего Новгорода.

***

…Меня удивляет, с какой легкостью и поспешностью, мы, священники, выносим «суд» тому или иному человеку, тому или иному случаю или происшествию.

В нашей родне у о. Геннадия (в Балахне) внезапно умер сын Кирилл (41 год – остались жена и пять человек детей). Много было слез и рыданий. Особенно тяжко было видеть рыдание, именно рыдание, предпоследней дочки, семилетней, на кладбище, когда заколачивали гроб, и она оказалась отдельно стоящей и невыразимо трогательной в своей детской скорби и в очень взрослом понимании необратимости происходящего… Никто не может определить, как эта «внезапность» скажется в ее детском существе, а для меня, старика, эта «картина» – потрясение. Она возникает еще и еще, хотя прошло более двадцати дней, хочется надеяться, что дружная и молящаяся семья не отчается, милостию Божией и молитвами остальных родственников, во главе с дедом, отцом Геннадием, уврачуются раны болящего сердечка маленькой девочки – завтрашней школьницы…

И вот мы едем на пароме через неделю после похорон и встречаемся с батюшкой давно знакомым, и после нескольких дежурных фраз, на его вопрос: «как у тебя дела?», я ему выплескиваю эту нашу трагическую быль, и он сочувствует, естественно, и заостряет внимание на «внезапности смерти». (Это, впрочем, не он только. Сам отец покойного, отец

Геннадий, когда я по телефону уточнял с ним организацию похорон, первым словом сказал: «Как умираем?», имея в виду ту же внезапность – ночью, в постели, в неведении, только врачебное ведение «конкретное»: «обширный инсульт».., и данные священнические опасения обоснованы, они всюду как предупреждение – внезапная смерть, без покаяния, у христианина вызывает духовную тревогу).

И батюшка спрашивает меня (с Геннадием он знаком, и сочувствие понятно):

– А покойный не священник?.. – Вот, может, ему надо было быть священником?

– Не знаю, – говорю, – знаю только, что до женитьбы он ездил с другом на Валаам и там сколько-то жил. Друг его там и остался, ныне, кажется, архимандрит...

– Вот, ему надо было тоже остаться, и тогда было бы все по-другому...

Я, признаться, оторопел от такого заключения.., но говорю, ведь уже пять человек детей и жена любящая и его, и детей, и жизнь им дали, старший в армию должен идти, они что же Богом отвержены что ли?.. Мы не понимаем что ли, что Господь свободу у человека не отбирает, а ведет, продолжает вести человека, даже если... а выбор человека очень даже нередко бывает ошибочным...

Его (покойного Кирилла) все любили, несмотря на его привычки и слабости. Он был добрый и любил людей... Я не успел сказать батюшке: «Вы, уж, помолитесь». Паром подошел к причалу. Его машина была первая к трапу... мой благодетель с машиной был в конце... Свойственная нам всем, и батюшкам тоже, суета не предполагает ни обстоятельных бесед, ни хорошего конца, но думается, что в тишине, в вечерних молитвах, уже сегодняшних, батюшка, конечно же, помянет новопреставленного, а завтра утром и за Божественной Литургией, и о здравии той, для батюшки неведомой девочки, рыдания которой, милостию Божией, должны смягчаться и превращаться в чистую молитву о дорогом папе... Разве можно детские потрясения списать на какие-то «если бы»? Нельзя. Маленький человек понес свой крест...